

Рождественские Истории

Книга первая
ДИККЕНС
ЛЕСКОВ

Аннотация

Знаете ли вы, кто «изобрел Рождество»? А кто из русских классиков посвятил рождественской тематике наибольшее количество своих творений? В первой книге серии «Рождественские истории» представлены известные на весь мир «Рождественские повести» Чарльза Диккенса и самые знаменитые произведения Николая Лескова из его цикла святочных рассказов — «Зверь», «Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль».

«Рождественские истории» — серия из 7 книг, в которых вы читаете наиболее значительные произведения писателей разных народов, посвященные светлому празднику Рождества Христова.

В «Рождественских историях» вас ждут волшебство, чудесные перерождения героев, победы добра над злом, невероятные стечения обстоятельств, счастливые концовки и трагические финалы. Вместе с героями вы проникнитесь важностью добрых дел человеческих, задумаетесь о бескорыстии, о свете и милосердии, о божественном в человеке.

Чарльз Диккенс Николай Лесков Рождественские истории

(сборник 1 ч.)

Предисловие от составителя

Книга, которую вы собираетесь почитать, вышла в серии «Рождественские истории». В семи книгах серии вы найдете наиболее значительные произведения писателей разных народов, посвященные светлому празднику Рождества Христова.

Под одной обложкой мы собрали рассказы и повести, были и притчи, написанные Андерсеном, Гоголем, Диккенсом, Гофманом и Лесковым, Горьким и Мопассаном.

В «Рождественских историях» вас ждут волшебство, чудесные перерождения героев, победы добра над злом, невероятные стечения обстоятельств, счастливые концовки и трагические финалы. Вместе с героями вы проникнитесь важностью добрых дел человеческих, задумаетесь о бескорыстии, о свете и милосердии, о божественном в человеке. На страницах этих книг

вам откроются (или вспомнятся) истины, которыми захочется поделиться с родными, близкими и даже незнакомыми людьми накануне великого праздника.

Рождественский или святочный рассказ — это занимательный, но подзабытый нынче жанр классической литературы. Чего не скажешь о XIX веке, когда этими рассказами взхлеб зачитывалась вся Европа. Англичанин Чарльз Диккенс со своими «Рождественскими повестями» стал не только основателем жанра, но и «изобретателем Рождества». Через некоторое время в Дании внес свою лепту в чтение, расцвеченное рождественским сиянием, сказочник Ганс Христиан Андерсен — написав удивительной силы трагическую и в то же время светлую историю «Девочка со спичками».

В русской литературе рождественский рассказ успешно прижился и приобрел самобытные черты. «Русским Диккенсом» по праву называют Николая Лескова, автора целого цикла святочных рассказов. Наделяя свои произведения моральным подтекстом, элементами фантастики и веселой концовкой, Лесков все же утверждал, что *«святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время, и нравы»*. В этом жанре писали Достоевский, Чехов, Куприн. И у каждого из них ощутимо то, о чем говорил Лесков.

Дабы не ограничивать околорождественское литературное многообразие лишь святочными рассказами, мы также напомним вам о великом мистике Николае Гоголе и его повести «Ночь перед Рождеством», которая, кстати, была издана на десять лет ранее Диккенсовских повестей.

Нельзя было не включить в список для рождественского чтения притчу Льва Толстого о добром сапожнике «Где любовь, там и Бог», которую в различных пересказах и интерпретациях издают во всем мире и считают одной из настольных книг к Рождеству. Наверняка вам также будет интересно, что думают о Рождестве герои Ги де Мопассана. Удивят вас необычными рождественскими сюжетами и русские литераторы (К. Станюкович, В. Желиховская, Н. Гарин-Михайловский и др.), чье творческое наследие и сегодня заслуживает читательского внимания.

Светлого вам Рождества и увлекательного чтения!

Наталья Уварова

Чарльз Диккенс
СКРЯГА СКРУДЖ. БИТВА ЖИЗНИ.
СВЕРЧОК ЗА ОЧАГОМ

СКРЯГА СКРУДЖ

Святочная песнь в прозе

Первая строфа. Призрак Мэрлея

Начнем сначала: Мэрлей умер. В этом не может быть и тени сомнения. Метрическая книга подписана приходским священником, причетником и гробовщиком. Расписался в ней и Скрудж, а имя Скруджа было громко на бирже, где бы и под чем бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дело в том, что старик Мэрлей вбит был в могилу, как осиновый кол.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убедился в мертвенности осинового кола: я думаю, напротив, что ничего нет мертвеннее в торговле гвоздя, вколоченного в крышку гроба...

Но... разум наших предков сложился на подобиях и пословицах, и не моей нечестивой руке подобает коснуться священного кивота веков — иначе погибнет моя отчизна...

Итак, вы позволите мне повторить с

достождолжноу выразительностью, что Мэрлей был вбит в могилу, как осиновый кол...

Спрашивается: знал ли Скрудж, что Мэрлей умер? Конечно, знал, да и как же не знал-то бы? Он и Мэрлей олицетворяли собою торговую фирму.

— Бог весть, сколько уж лет Скрудж был душеприказчиком, единственным поверенным, единственным другом и единственным провожатым мерлевского гроба. По правде, смерть друга не настолько его огорчила, чтобы он, в самый день похорон, не оказался деловым человеком и бережливым распорядителем печальной процессии.

Вот это-то слово и наводит меня на первую мою мысль, а именно, что Мэрлей без сомнения умер, и что, следовательно, если бы не умер он, в моем рассказе не было бы ничего удивительного.

Если бы мы не были убеждены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, никто из нас не обратил бы даже и внимания на то, что господин почтенных лет прогуливается некстати, в потемках и на свежем ветерке, по городскому валу, между могил, с единственной целию — окончательно расстроить поврежденные умственные способности своего возлюбленного сына. Что касается собственно Скруджа, ему и в голову не приходило вычеркнуть из счетных книг имя своего товарища по торговле: много лет после смерти Мэрлея над входом в их общий магазин красовалась еще вывеска с надписью: «Скрудж и Мэрлей». Фирма

торгового дома была всё та же: «Скрудж и Мэрлей». Случалось иногда, что некоторые господа, плохо знакомые с торговыми оборотами, называли этот дом: Скрудж-Скрудж, а иногда и просто — Мерлей; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то или на другое имя.

О! Скрудж вполне изучил свой ручной жернов и крепко держал его в кулаке, милейший человек — и старый грешник: скупец напоказ, он умел и нажать, и прижать, и поскоблить, а главное — не выпустить из рук. Неподатлив он был и крепок, как ружейный кремьень, — из него же даром и искры не выбьешь без огнива; молчалив был, скрытен и отшельнически замкнут, что устрица. Душевный холод заморозил ему лицо, нащипал ему заостренный нос, наморщил щеки, сковал походку и окислил голос. Постоянный иней убелил ему голову, брови и судорожно-лукавый подбородок. Всегда и повсюду вносил он с собою собственную свою температуру — ниже нуля, леденил свою контору даже в каникулы и, ради самых святок, не возвышал сердечного термометра ни на один градус.

Внешний жар и холод не имели на Скруджа ни малейшего влияния: не согревал его летний зной, не зяб он в самую жестокую зиму; а между тем, резче его никогда не бывало осеннего ветра; никогда и никому не падали на голову так беспощадно, как он, ни снег, ни дождик; не

допускал он ни ливня, ни гололедицы, ни изморози — во всём их изобилии: этого слова Скрудж не понимал.

Никто и ни разу не встречал его на улице приветливой улыбкой и словами: «Как вы поживаете, почтеннейший мистер Скрудж? Когда же вы навестите нас?» Ни один нищий не решился протянуть к нему руки за полушкой; ни один мальчишка не спросил у него: «который час?» Никто, ни мужчина, ни женщина, в течение всей жизни Скруджа не спросили у него: «как пройти туда-то?» Даже собака — вожатый уличного слепца, кажется, — и та знала Скруджа: как только его увидит, так и заведет своего хозяина либо под ворота, либо в какой-нибудь закоулок, и начнет помахивать хвостом, словно выговаривает: «Бедняжка мой хозяин! Знаешь ли, что лучше уж ослепнуть, чем сглазить добрых людей?»

Да Скруджу-то что за дело? Именно этого он и жаждал. Жаждал он пройти жизненным путем одиноко, помимо толпы, с вывеской на лбу: «па — ади — берегись!» А затем — «и пряником его не корми!», как говорят лакомки — дети.

Однажды, в лучший день в году, в сочельник, старик Скрудж сидел в своей конторе и был очень занят. Морозило; падал туман; Скруджу было слышно, как прохожие по переулку свистят себе в кулаки, отдуваются, хлопают в ладоши и отплясывают на панели трепака, чтобы согреться.

На башне Сити пробило только — еще три часа пополудни, а на дворе было уж совсем темно. Впрочем, и с утра не светало, и огни в соседних окнах контор краснели масляными пятнами на черноватом фоне густого, почти осязательного воздуха. Туман проникал в дома во все щели и замочные скважины; на открытом воздухе он до того сплотился, что, несмотря на узость переулка, противоположные дома казались какими-то призраками. Глядя на мрачные тучи, можно было подумать, что они опускаются ближе и ближе к земле с намерением — задымить огромную пивоварню.

Дверь в контору Скруджа была отворена, так что он мог постоянно следить за своим приказчиком, занятым списыванием нескольких бумаг в темной камерке — нечто вроде колодца. У Скруджа еле-еле тлел в камельке огонь, а у приказчика еще меньше: просто один уголек. Прибавить к нему он ничего не мог, потому что корзинка с угольями стояла в комнате Скруджа, и всякий раз, когда приказчик робко входил с лопаткой, Скрудж предварял его, что будет вынужден с ним расстаться. Вследствие сего приказчик обматывал себе шею белым «носопрятком» и пытался отогреться у свечи; но, при таком видимом отсутствии изобретательности, конечно, не достигал своей цели.

— С праздником, дядюшка, и да хранит вас Бог! — раздался веселый голос.

Голос принадлежал племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплох.

— Это еще что за пустяки? — спросил Скрудж. Племянник так скоро шел к нему и так разгорелся на морозном тумане, что щеки его пылали полымем, лицо покраснелось, как вишня, глаза заискрились, и изо рта валил пар столбом.

— Как дядюшка: святки — то пустяки? — заметил племянник Скруджа. — То ли вы говорите?

— А что же? — ответил Скрудж. — Веселые святки. Да какое у тебя право — веселиться? Разоряться-то на веселье какое право?.. Ведь и так уж беден...

— Полно же, полно! — возразил племянник. — Лучше скажите мне: какое у вас право хмуриться и коптеть над цифирью?.. Ведь и так — уж богаты.

— Ба! — продолжал Скрудж, не приготовившись к ответу, и к своему «Ба!» прибавил: Всё это — глупости!

— Перестаньте же, дядюшка, хандрить.

— Поневоле захандришь с такими сумасшедшими. Веселые святки! Ну его, ваше веселье!.. И что такое ваши святки? Срочное время — платить по векселям; а у вас пожалуй, и денег-то нет... Да ведь с каждым святками вы стареете на

целый год и припоминаете, что прожили еще двенадцать месяцев без прибыли. Нет! Будь моя воля, я каждого такого шального, за поздравительные побегушки, приказал бы сварить в котле, — с его же пудингом, похоронить, да уж, заодно, чтобы из могилы не убежал, проткнуть ему грудь сучком остролистника... Это — вот так!

— Дядюшка! — заговорил было племянник, — в качестве адвоката святков.

— Что, племянничек? — строго перебил его дядюшка. — Празднуй себе святки, как хочешь, а уж я-то отпраздную их по-своему.

— Отпразднуете? — повторил за ним племянник.

— Да разве так празднуют?

— Ну, и не надо!.. Тебе я желаю на новый год нового счастья, если старого мало.

— Правда: мне кой-чего не достает... Да нужды нет, что новый год ни разу еще не набил мне кармана, а всё-таки святки для меня святки.

Приказчик Скруджа невольно зарукоплескал этой речи из известного нам колодца; но, поняв всё неприличие своего поступка, бросился поправлять огонь в камельке и затушил последнюю искру.

— Если вы еще затушите, — сказал ему Скрудж, — вам придется праздновать святки на другом месте. А вам, сэр, прибавил он, обратившись к племяннику, я должен отдать

полную справедливость: вы — превосходный вития и напрасно не вступаете в парламент.

— Не сердитесь, дядюшка: будет! Приходите к нам завтра обедать.

Скрудж ему ответил, чтобы он пошёл к... Право: так и сказал, всё слово выговорил, — так-таки и сказал: пошёл... (Читатель, может, если заблагорассудит, договорить слово).

— Да почему же, вскрикнул племянник? Почему?

— А почему ты женился?

— Потому что влюбился.

— Любовь! — пробормотал Скрудж, да так пробормотал, как будто бы, после слов «новый год», «любовь» было самым глупым словом в мире.

— Послушайте, дядюшка! Ведь вы и прежде никогда ко мне не заходили: причем же тут моя женитьба?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я от вас ничего не желаю, ничего не прошу: отчего же нам не остаться друзьями?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я истинно огорчен вашей решимостью... Между нами, кажется, ничего не было... по крайней мере, с моей стороны... хотелось мне провести с вами первый день, — ну? что ж делать! я всё-таки повеселюсь — и вам того же желаю.

— Прощай! — сказал Скрудж.

Племянник вышел из комнаты, ни полусловом не выразив своего неудовольствия; но остановился на пороге и поздравил с наступающим праздником провожавшего его приказчика, а в том, несмотря на постоянный холод, было всё-таки больше теплоты, чем в Скрудже. Поэтому он отвечал радушно на приветствие своего поздравителя, так что Скрудж услышал его слова из своей комнаты и прошептал:

— Вот, еще дурак-то набитый! Служит у меня приказником; получает пятнадцать шиллингов в неделю; на руках жена и дети; а туда же — радуется празднику!.. Ну, как же не сам напрашивается в дом сумасшедших?

В это время набитый дурак, проводив племянника Скруджа, ввел за собою в контору двух новых посетителей: оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, с благовидной наружностью, и оба при входе сняли шляпы. В руках у них были какие-то реестры и бумаги.

— Скрудж и Мэрлей, кажется? — спросил один из них с поклоном и поглядел в список. — С кем имею удовольствие говорить: с мистером Скруджем или с мистером Мэрлеем?

— Мистер Мэрлей умер семь лет тому, — ответил Скрудж. — Ровно семь лет тому умер, именно в эту самую ночь.

— Мы не сомневаемся, что великодушие покойного нашло себе достойного представителя в

пережившем его компаньоне! — сказал незнакомец, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на собрание милостыни для бедных.

Сомневаться в подлинности этой бумаги было невозможно; однако же, при досадном слове «великодушие» Скрудж нахмурил брови, покачал головой и возвратил своему посетителю свидетельство.

— В эту радостную пору года, мистер Скрудж, — заговорил посетитель, взяв перо, — было бы всего желательнее собрать посильное пособие бедным и неимущим, страдающим теперь более чем когда-нибудь: тысячи из них лишены самого необходимого в жизни; сотня тысяч не смеют и мечтать о наискромнейших удобствах.

— Разве тюрьмы уже уничтожены? — спросил Скрудж.

— Помилуйте, — отвечал незнакомец, опуская перо. — Да их теперь гораздо больше, чем было прежде...

— Так, стало быть, — продолжал Скрудж, — приюты прекратили свою деятельность?

— Извините, сэр, — возразил собеседник Скруджа, — дай-то Бог, чтобы они ее прекратили?

— Так человеколюбивый жернов всё еще мелет на основании закона?

— Да! И ему, и закону много еще дела.

— О!.. А я ведь подумал было, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало существованию этих полезных учреждений... Искренно, искренно рад, что ошибся! — проговорить Скрудж.

— В полном убеждении, что ни тюрьмы, ни приюты не могут христиански удовлетворить физических и духовных потребностей толпы, несколько особ собрали по подписке небольшую сумму для покупки бедным, ради предстоящих праздников, куска мяса, кружки пива и пригоршни угля... На сколько вам угодно будет подписаться?

— Да... ни на сколько! — ответил Скрудж.

— Вам, вероятно, угодно сохранить аноним.

— Мне угодно, чтоб меня оставили в покое. Если вы, господа, сами спрашиваете, чего мне угодно, вот вам мой ответ. Мне и самому праздник — не радость, и не намерен я поощрять бражничанья каждого тунеядца. И без того я плачу довольно на поддержку благотворительных заведений... т. е. тюрем и приютов... пусть в них и поступают те, кому дурно в ином месте.

— Да ведь иным и поступать туда нельзя, а другим умереть легче.

— А если легче, кто же им мешает так и поступать, ради уменьшения нищенствующего народонаселения? Впрочем, извините меня — всё это для меня — темная грамота.

— Однако же вам ничего не стоит ей поучиться?

— Не мое дело! — возразил Скрудж. — Довлеет дневи злоба его. А у меня собственных дел больше, чем дней. Позвольте с вами проститься господа!..

Поняв всю бесполезность дальнейших настояний, незнакомцы удалились.

Скрудж опять уселся за работу в самодовольном расположении духа.

А туман и потемки всё густели да густели, так что по улицам засверкали уже светочи, предназначенные уздководить извозчичьих коней и наставлять их на правые пути. Старая колоколя с нахмуренным колоколом, постоянно наблюдавшим из любопытства в свое готическое окно, контору Скруджа, вдруг исчезла из вида и стала трезвонить уже в облаках четверти, получасия и часы. Мороз крепнул.

В углу двора несколько работников поправляли газопроводные трубы и разогрели огромную жаровню; кругом теснилась целая толпа мужчин и оборванных ребятишек: они с наслаждением потирали себе руки и щурились на огонь. Кран запертого фонтана обледенел так, что смотреть было противно.

Газовые лампы магазинов озаряли ветки и ягоды остролистника и бросали красноватый

отблеск на бледные лица прохожих. Мясные и зеленые лавки сияли такою роскошью, представляли такое великолепное зрелище, что никому бы и в голову не пришло соединить с ними идею расчета и барыша. Лорд-мэр в своей крепости Mansion-House отдавал приказы направо и налево, как и подобает лорд-мэру в сочельник, своим пятидесяти поварам и пятидесяти ключникам. Даже бедняга портной (не далее как в прошлый понедельник подвергнутый денежной пене в пять шиллингов за пьянство и буянство на улице), даже и тот принялся на своем чердачке хлопотать о завтрашнем пудинге, и тощая его половина с тощим сосунком на руках отправились на бойню купить необходимый кусок говядины.

Между тем, туман становится гуще и гуще, холод живет, жестче, пронзительнее. Вот он крепко ущипнул за нос уличного мальчишку, тщедушного, обглоданного голодом, как кость собакой: владелец этого носа прикладывает свой глаз к замочной скважине скруджской конторы и начинает Христа славить, но при первых словах:

Господи, спаси вас,
Добрый господин!

Скрудж так энергично схватывает линейку, что певец, в ужасе, отбегает со всех ног, покидая

замочную скважину в добычу тумана и мороза, а они тотчас же врываются в комнату... конечно, из сочувствия к Скруджу...

Наконец пора запереть контору: Скрудж угрюмо сходит со своего табурета, словно подавая молчаливый знак своему приказчику убираться скорее вон: приказчик мгновенно тушит свечу и надевает шляпу.

— Предполагаю, что завтра вы целый день останетесь дома? — спрашивает Скрудж.

— Если это вам удобно, сэр.

— Нисколько это мне неудобно, да и вообще, с вашей стороны несправедливо. Если бы за завтрашний день я удержал из вашего жалованья полкроны, я уверен — вы бы обиделись?

Приказчик слегка улыбнулся.

— А между тем, — продолжал Скрудж, — вы не сочтете в обиду для меня, что я должен вам платить за целый день даром.

Приказчик заметил, что это случается только один раз в год.

— Плохое оправдание и плохой повод — запускать руку в чужой карман каждое 25 декабря, — возразил Скрудж, застегивая пальто до самого подбородка. — Тем не менее, я полагаю, что вам нужен целый завтрашний день: постарайтесь же вознаградить меня за него послезавтра и как можно пораньше.

Приказчик обещал, и Скрудж, ворча себе под нос, вышел из дома. Контора была заперта во мгновение ока, и приказчик, скрестив оба конца «носопрята» на жилете (сюртук он считал роскошью) пустился по Корнгильской панели, поскользнувшись раз двадцать вместе с толпой мальчишек, то и дело падавших в честь сочельника. Во весь дух добежал он до своей квартиры к «Кэмден-тоуне», чтобы поспеть на жмурки ¹. Скрудж уселся за скудный обед в своей обычной грошовой харчевне. Перечитав все журналы и очаровав себя, к концу вечера, просмотром своей счетной книжки, он отправился на ночевку домой. Занимал он бывшую квартиру своего покойного сотоварища; длинный ряд темных комнат в старинном, мрачном здании, на самом конце закоулка. Бог весть, как оно туда попало? Так и казалось, что смолоду оно играло в прятки с другими домами, спряталось, да потом и не нашло дороги. Ветхо оно было и печально, потому что кроме Скруджа в нем никого не жило: остальные квартиры были заняты разными конторами и бюро. Двор был до такой степени темен, что сам Скрудж, хоть и знал наизусть каждую плиту, должен был

¹ Игра в жмурки составляет к Англии необходимую принадлежность сочельника и вообще всех святок.

пробираться ощупью. Холод и туман крепко прижались к старой входной двери, — и вы бы подумали, что на ее пороге присел гений зимы, погруженный в грустные размышления.

Факт один, что в дверном молотке не было ничего замечательного, кроме непомерной величины; другой факт тот, что Скрудж видал этот молоток ежедневно, утром и вечером, с тех самых пор, как поселился в доме; что при всём этом Скрудж обладал так называемым воображением менее даже корпорации нотэблей и альдерменов ². Не следует также забывать, что, в течение целых семи лет, значит как раз со дня смерти Мэрлея, Скрудж ни разу не подумал о покойнике. Объясните же мне, пожалуйста, если можете: каким образом случилось, что Скрудж, повертывая ключ в замке, своими глазами увидал на месте дверного молотка лицо Мэрлея? Истинно говорю вам: лицо Мэрлея! Оно не было непроницаемой тенью, как все остальные предметы на дворе, напротив: оно светилось каким-то синеватым блеском, подобно гнилому морскому раку в темном погребе. В выражении его не было ничего гневного и свирепого: Мэрлей глядел на Скруджа — как и всегда, приподняв призрак очков на призрак лба.

² Т. е. представителей всевозможных цехов и гильдий.

Волосы его шевелились на голове как будто от какого-то дуновения, или от горячего пара; Мэрлей глядел во все глаза, но они были неподвижны. Это обстоятельство и синеватый цвет кожи приводили в ужас, хотя ужас Скруджа происходил не от мертвенного выражения лица, а, так сказать, от самого себя.

Пристально взглядевшись в это явление, Скрудж снова увидел один только дверной молоток. Мы бы погрешили перед совестью, если бы сказали, что Скрудж не ощутил ни дрожи, ни страшного, дотоле незнакомого ему волнения в крови. Однако он быстро повернул ключ, вошел в комнату и зажег свечу. На мгновение он остановился в нерешительности и, прежде чем запереть дверь, поглядел, нет ли за ней кого, словно боялся, что вот-вот покажется в сенях тонкий нос Мэрлея. Но за дверью не было ничего, кроме гаек и винтов, придерживавших изнутри дверной молоток. «Ба! Ба!» сказал Скрудж и сильно захлопнул дверь.

По всему дому прошел громовой гул. Каждая комната наверху и каждая бочка внизу, в винном погребе, приняли особенное участие в этом концерте эха. Скрудж был не из таковских, чтобы пугаться эха: крепко запер дверь, прошел сенями и стал подниматься на лестницу, поправив на дороге свечу.

Вы мне станете рассказывать о старинных,

блаженной памяти, лестницах, по которым могла бы проехать карета в шесть лошадей рядом, или пройти процессия с одним из маленьких парламентских дел, а я вам скажу, что лестница Скруджа была нечто иное: по ней можно было провести дроги поперек, так, чтобы один конец был обращен к стене, а другой к перилам, и это ничего бы не значило, пожалуй, ещё место бы осталось. По самой этой причине Скруджу и показалось, что перед ним в темноте поднимается по лестнице погребальное шествие. Полдюжины уличных газовых рожков едва ли могли бы осветить достаточно сени: можете же представить себе, какое яркое сияние разливала свечка Скруджа!..

Он поднимался как ни в чем не бывало: ведь темнота ничего не стоит, а потому Скрудж и не чувствовал к ней никакого отвращения. Но прежде всего, войдя к себе, он осмотрел все комнаты, видимо, беспокоимый воспоминанием о таинственном лице.

Гостиная, спальня и кладовая оказались в порядке. Никого не было под столом, никого под диваном; комелек тлился и нагревал кастрюлю с кашницей (у Скруджа был насморк); никого не было также и в спальне под постелью, и в кладовой; никто не спрятался за висевшим на стене халатом. Вполне успокоившись, Скрудж запер дверь на замок, в два оборота, надел халат, туфли, ночной

колпак, уселся перед огнем и принялся за кашницу.

Печка была сложена очень давно, вероятно, каким-нибудь голландским купцом. На изразцах были изображения, заимствованные из библии: Каины и Авели, дочери Фараона, царицы Савские, Вальтасары... а всё-таки над всеми ними, казалось, мелькало неотступное лицо Мэрлея...

— Вздор! — проговорил Скрудж и стал ходить взад и вперед по комнате.

Вдруг его глаза остановились на старом звонке, давно уже не бывшем в употреблении и проведенном для какой-то цели в нижнее жилье дома. Вообразите же изумление и ужас Скруджа, когда этот звонок начал шевелиться: сперва он только качнулся почти без звука, но вслед затем колокольчик так и залился, и ему подхватили все остальные колокольчики в доме.

Звенели они никак не более минуты, но эта минута показалась Скруджу целым часом. Колокольчики смолкли так же, как и зазвенели: все разом. Их звон сменило бряцание железа, словно кто-то внизу, в винном погребе, волочил по бочкам тяжелую цепь. Скрудж вспомнил, что все привидения волочат за собою цепи.

Погребная дверь распахнулась с ужасным стуком, и Скрудж услышал звук цепи сначала в первом жилье, потом на лестнице, и наконец, прямо против своей двери.

— Всё это сущий вздор! — сказал Скрудж. — И верить не хочу!

Однако же он переменялся в лице, когда призрак вошел в комнату прямо сквозь запертую толстую дверь. Умиравший огонек вспыхнул в камельке, словно прокричал: «Я его узнаю! это призрак Мэрлея!» и затем погас. Совершенно, совершенно лицо Мэрлея: та же тонкая коса; тот же обыкновенный его жилет, те же панталоны в обтяжку: и шелковые кисточки на сапогах по-прежнему качаются в лад с косою, с полами платья и тупеем. Цепь обхватывала ему пояс и волочилась за призраком длинным хвостом. Скрудж рассмотрел, что она была составлена из кассовых ящичков, из связок ключей, железных засовов, замков, больших книг, папок и тяжелых стальных кошельков.

Тело призрака было до того прозрачно, что Скрудж, взглянув на его жилет, ясно увидел сквозь него две пуговицы, пришитые к спинке кафтана. Но хотя Скрудж припомнил, что и при жизни Мэрлея (по соседним сплетням), у него не было внутренностей, всё еще не верил своим глазам, однако же заметил всё до малейшей подробности, даже до фуляра на голове, повязанного под подбородком.

— Что это значит? — спросил он холодно и насмешливо, как и всегда. — Чего вы от меня

хотите?

— Многого.

Нет никакого сомнения: голос Мэрлея.

— Кто вы такой?

— То есть, кто я был такой.

— Ну, кто же? — переспросил Скрудж, возвышая голос... — Для призрака вы большой пурист... ³

— При жизни я был ваш сотоварищ Джэкоб Мэрлей.

— Можете вы... присесть?

— Могу.

— Садитесь же.

Скрудж предложил призраку присесть для испытания, в состоянии ли сидеть такое прозрачное существо, и для избежания неприятного объяснения. Призрак сел очень развязно.

— Вы в меня не верите? — заметил он.

— Не верю.

— Какого же доказательства в моей действительности требуете вы, кроме свидетельства ваших чувств?

— И сам не знаю.

— Отчего же вы не доверяете вашим чувствам?

³ Пуризм — стремление к чистоте нравов.

— Оттого, что их может извратить всякая случайность, всякое расстройство желудка, и в сущности вы, может быть, ничто иное, как ломоть не переварившегося мяса, или пол-ложечки горчицы, кусок сыра, кусочек сырого картофеля. Во всяком случае, от вас пахнет скорее можжевелькой, чем можжевельником.

Скрудж вообще не жаловал острот, и теперь всего менее чувствовал охоту острить, но он пошутил для того, чтобы дать другое направление мыслям и победить свой ужас, для того, что голос призрака заставлял его трепетать до самого мозга костей.

Скрудж выносил чертовскую пытку, сидя против призрака и не смея свести взгляда с этих неподвижных стеклянных глаз. И в самом деле, было что-то ужасное в адской атмосфере, окружавшей призрака: Скрудж, разумеется, не мог ее сам ощущать, но он видел, что призрака сидел совершенно неподвижно, а между тем, его волосы, полы кафтана и кисти сапог шевелились, будто от серного пара, вылетающего из какого-то горнила.

— Видите вы эту зубочистку? — спросил Скрудж, чтобы рассеять свой страх и хоть на мгновение оторвать от себя холодный, как мрамор, взгляд призрака.

— Вижу, — ответил призрака.

— Да вы на нее даже и не смотрите!

— Это не мешает мне ее видеть.

— Так вот, стоит мне только ее проглотить — и я до конца моих дней буду окружен легионом домовых собственного моего произведения. Всё это — вздор, говорю вам... Вздор!

При этом слове призрак страшно вскрикнул и так оглушительно, так заунывно потряс цепью, что Скрудж ухватился обеими руками за стул, чтобы не упасть в обморок. Но его ужас удвоился, когда призрак вдруг сорвал с головы фуляр, и при этом нижняя его челюсть свалилась на грудь.

Скрудж упал на колени и закрыл лицо руками.

— Боже милосердный! — вскрикнул он. — Проклятое привидение!.. Зачем ты появилось терзать меня?

— Душа плотская, душа земная! — ответил призрак. — Веришь ли ты теперь в меня?

— Должен верить поневоле?.. — сказал Скрудж. — Но зачем же духи бродят по земле и зачем ко мне заходят?..

— Обязанность каждого человека, — отвечал призрак, — сообщиться душою с ближним: если он уклоняется от этого при жизни, душа его осуждена блуждать в мире после смерти... Осуждена она быть бесполезной и безучастной свидетельницей всех дольних явлений, тогда как при жизни она могла бы слиться с другими душами для достижения общего блага. — Призрак вскрикнул

еще раз и заломил свои бесплотные руки.

— Вы скованы? — спросил дрожавший Скрудж; — но скажите, за что?

— Я ношу цепь, которую сам же сковал себе в жизни, звено за звеном, аршин за аршином; сам надел ее на себя добровольно, чтобы добровольно же носить ее всегда. Может быть, тебе нравится этот образчик?

Скрудж дрожал более и более.

— Или тебе хочется, — продолжал призрак, — узнать тяжесть и длину твоей собственной цепи? Семь лет тому, изо дня в день, она была так же длинна и тяжела, как моя; потом ты еще потрудился над нею, и теперь — славная цепь вышла...

Скрудж посмотрел кругом себя на пол, нет ли на нем самом железной цепи, сажень, эдак, в пятьдесят? Но цепи не было.

— Джэкоб, — сказал он умоляющим голосом, — старый мой друг Джэкоб Мэрлей, поговорите еще со мною, скажите мне несколько слов утешения, Джэкоб!

— Не мне утешать, — ответил призрак, — утешение приносится свыше, иными послами, и к иным людям, чем ты, Эвенезэр Скрудж! Я тебе и сказать не могу всего, что бы мне хотелось сказать: я обречен блуждать без отдыха и нигде не останавливаться. Ты знаешь, что на земле моя душа

не преступала пределов нашей конторы, и вот — почему мне суждено теперь сделать еще много тяжелых путешествий!

У Скруджа была привычка, когда он задумывался, засовывать руки в карман панталон: так поступил он и теперь при последних словах призрака, но с колен не встал.

— Вы, должно быть, порядком запоздали? — заметил он, как истый деловой человек, однако же, с покорностью и с почтительностью.

— Запоздал! — повторил призрак.

— Семь лет умер, — рассуждал Скрудж, — и всё время в дороге...

— Всё время! — сказал призрак... — и ни отдыха, ни покоя, и непрерывная пытка угрызения совести...

— Быстро вы путешествуете? — спросил Скрудж.

— На крыльях ветра, — ответил призрак.

— Должно быть, много стран видели! — продолжал Скрудж. При этих словах призрак вскрикнул в третий раз и так загремел цепью, что дозор имел бы полное право представить его в суд за ночной шум.

— О! горе мне, скованному узнику! — простонал он. — Горе мне за то, что я забыл обязанность каждого человека — служить обществу, великому делу человечества,

предначертанному верховным существом, забыл, что поздним сожалением и раскаянием не искупил утраченного случая к пользе и благу ближнего! И вот мой грех, вот мой грех!

— Однако же вы всегда были человеком исполнительным, умели отлично вести дела... — пробормотал Скрудж, начиная применять слова призрака к самому себе.

— Дела! — крикнул призрак, снова заламывая себе руки, — моим делом было всё человечество; моим делом было общее благо, человеколюбие, милосердие, благодушие и снисходительность: вот какие были у меня дела! А торговые обороты — одна капля в безбрежном океане моих былых дел!

Он поднял цепь во всю длину руки, словно указывал на причину своих бесплодных сожалений, и снова бросил ее на пол.

— Более всего я страдаю, — продолжал призрак, — именно в эти последние дни года. Зачем проходил я тогда мимо толпы со взорами, склоненными долу на блага земные, и не возносил их горе, к благодатной, путеводной звезде волхвов! Быть может, ее свет привел бы и меня также к какой-нибудь бедной обители...

Скрудж очень испугался подобного оборота речи и задрожал всем телом.

— Слушай! — крикнул ему призрак, — назначенный мне срок скоро должен кончиться...

— Слушаю, — сказал Скрудж, — только прошу вас пощадить меня, Джекоб: нельзя ли поменьше риторики...

— Не могу объяснить тебе — почему я тебе явился в теперешнем моем образе?.. Мне столько и столько раз приходилось сидеть рядом с тобою незримо.

Это признание было не слишком из приятных: Скрудж содрогнулся и вытер на лбу холодный пот.

— Да, еще это наказание — не самое тяжелое... Я послан известить тебя, что тебе предстоит удобный случай и надежда избежать моей участи. Слушай же, Эвенеэзр!..

— Вы всегда были ко мне благосклонны и дружелюбны, — сказал Скрудж. — Благодарю вас.

— Тебя посетят три духа, — прибавил призрак. Лицо Скруджа мгновенно подернулось такою же бледностью, как у самого призрака.

— Про этот-то удобный случай и про эту надежду говорили мне вы, Джэкоб? — спросил он ослабевшим голосом.

— Да.

— Я... я... полагаю, что лучше бы без них как-нибудь?

— Без их посещения для тебя нет надежды избежать моей участи. Ожидай «первого» завтра, ровно в час.

— Не могу ли я принять всех их трех разом,

Джэкоб? — заметил вкрадчиво Скрудж.

— Ожидай второго в том же часу на следующую ночь, а третьего — на третью, как только пробьет последний удар двенадцати часов. Меня не надейся увидеть еще раз; но ради собственной выгоды памятуй о том, что было между нами.

После этих слов он взял со стола и повязал по-прежнему свой набородник. Скрудж поднял глаза и увидал, что его таинственный посетитель стоит перед ним, весь обмотанный цепью.

Привидение попятилось к опускаемому окну, и с каждым его шагом окно поднималось выше и выше, и наконец поднялось совсем.

Тогда призрак поманил Скруджа к себе, и тот повиновался. На расстоянии последних двух шагов тень Мэрлея подняла руку, не допуская подходить ближе. Скрудж остановился, но уже не из повиновения, а из изумления и страха: в воздухе пронесся какой-то глухой шум и раздались несвязные звуки: вопли отчаяния, тоскливые жалобы, стоны, вырванные из груди раскаянием и угрызением совести.

Призрак прислушивался к ним мгновение, а потом присоединил свой голос к общему хору и исчез в бледном сумраке ночи.

С лихорадочным любопытством подошел Скрудж к окну и заглянул в него.

Воздух был наполнен блуждавшими и стонавшими призраками. Каждый, подобно тени Мэрлея, влачил за собою цепь; некоторые (может быть, секретари министров с одинаковыми политическими убеждениями) были скованы попарно; свободных не было ни одного. Некоторых при жизни Скрудж знал лично. Наказание всех их состояло, очевидно, в том, что они силились, хотя уже и поздно, вмешаться в людские дела и сделать кому-либо добро; но они утратили эту возможность навсегда.

Сами ли слились эти фантастические существа с туманом, туман ли накрыл их своею тенью? Скрудж ничего не знал; только они исчезли, голоса их смолкли разом, и ночь опять стала такой, какой была при возвращении Скруджа домой.

Он закрыл окно и тщательно осмотрел входную дверь: она была заперта в два оборота и замки были целы. Изнеможенный, усталый Скрудж бросился, не раздеваясь, в постель и тотчас же заснул...

Вторая строфа. Первый из трех

Когда Скрудж проснулся, было так темно, что он еле-еле разглядел, где прозрачное окно, где непрозрачные стены комнаты... Тщетно усиливался он напрягать свои хорьковые глаза — до тех пор,